

вать их. Такая трактовка способна обеспечить более целостное видение языково-мыслительных процедур, имеющих основу в постоянном единстве — взаимопереходе знаково-исчислительных процессов, когда каждая нижежающая ступень в целом содержит необходимые предпосылки для саморазвертывания. Это саморазвертывание обретает различные пути дифференциального уточнения и углубления, а следовательно, постоянного проявления «Я» — сознания.

3. Обновленная теоретико-лингвистическая концепция, таким образом, объединяет генетический, функциональный, системно-метаси-

стемный способы видения такого сложнейшего объекта, каковым является язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.

² Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

³ Tugendhat E. Vorlesungen zur Einführung in die Sprachanalytische Philosophie. Frankfurt/M., 1976.

⁴ Ивин А.А. Логико-философское исследование ценностей // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989.

⁵ Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л., 1975. С. 162.

⁶ Аристотель. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 93–94.

Л.А. БОГОДЕЛЬНИКОВА
кандидат философских наук

СВОБОДА КАК САМООТКРОВЕНИЕ БЫТИЯ

Проблема соотношения свободы и бытия — одна из главных в философии. Если видеть в свободе не самоценность, а прежде всего условие возможности творчества человеческой личности, в котором заложены смысл и назначение человека, то в свете такого понимания свобода, по самой своей сущности, предшествует совершаемым свободно актам, ибо свобода первичнее своих проявлений. «Бытие — это не просто существование вещи, а то, что существует в зазоре между задаваемой формой (или понятием) творения и его потенциальной формой или новым творением»¹. Действительно, бытие в таком понимании становится тем, чему постоянно необходима определенная подпитка для того, чтобы длиться; такой подпиткой, или основой бытия, и становится свобода. Чтобы реализовать новое творение, нужно начать движение в эту сторону. Чтобы начать движение, нужно хотеть его сделать, невозможно заставить хотеть, можно заставить сделать, но заставить желать невозможно; именно в этом случае свобода становится причиной бытия, возможностью реализовать намерение. Значит, можно утверждать, что свобода предшествует бытию, так как является основой человеческих стремлений и их главной целью.

Толкование бытия многообразно. По мнению И. Канта, бытие зависит от познания. Философия жизни утверждает, что бытие — это жизнь и потребности ее возрастания. Философия ценностей объявляет ценности предельным основанием мира. Философская ан-

тропология рассматривает бытие как способность человека выходить за свои собственные пределы и тем обосновывать все сущее. Марксистская философия отождествляет бытие с материей, утверждая, что бытие «вообще есть открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения». Бытие есть только то, что может быть определено научным, рациональным знанием и практикой. Оно есть объективный мир (природа и общество), данный человеку в его предметно-практической деятельности.

Основной недостаток традиционного подхода к пониманию бытия, характерный для классической философии и для научного познания XIX в., состоит в том, что бытие фиксируется в плане противопоставления субъекта и объекта, причем бытие приписывается именно объекту, а субъект остается как бы вне бытия, является вторичным по отношению к бытию. Заслуга немецкого идеализма заключается в том, что в нем субъект впервые признается источником бытия. Позднее представители философии постмодерна понимали человеческое бытие в мире как «абсолютную открытость», «чистую дыру в мире», «отсутствие смысла», т.е. бытие человека — ничто. Они как будто бы боялись соотнесенности с центром, смыслом. Бытие для них — абсурд, хаос, бессмысленность, неопределенность. Такое представление о бытии изначально деструктивно. Однако бытие человека может рассматриваться не во внешнем, а во внутреннем, личностном выражении. При таком рассмотрении бытия полет

мысли порой достигает высшего предела обобщенности, абстрагирования от единичного, частного, преходящего. В то же время философское понимание бытия близко к сокровенным глубинам человеческой жизни, к тем коренным вопросам, какие человек способен ставить перед собой в минуты высочайшего напряжения духовно-нравственных сил. Онтологически человек предрасположен к постижению мира в перспективе возможного, к его пониманию. Но понимание отнюдь не возникает на пустом месте, ибо оно изначально обладает своеобразным априорным фоном схватывания действительности, миром, заключенным в языке. Разделяя мир с другими людьми, человек неминуемо формируется как творческое, а потому и диалогическое существо.

В связи с такой постановкой проблемы бытия, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к традиции русской религиозной философии. Особенность ее в том, что представители данного философского направления попытались вернуть бытию смысловую наполненность.

В отличие от классического немецкого идеализма в русской философии акцент делается не просто на некий абстрактный субъект, а на целостную личность. Подлинным содержанием бытия в понимании отечественных мыслителей являются не отвлеченные, идеальные сущности, а реальные субъекты воли. Именно носители силы и воли, т.е. живые люди, обладают онтологической реальностью². Проблему бытия необходимо решать через постановку вопроса о человеке, а точнее сказать, о человеческой личности. Для русских философов личность не только абсолютно ценна и независима в метафизическом смысле, она еще и метафизически первична. Можно обратиться к определению личности, данному известным персоналистом Э. Мунье: «Личность — это есть духовное существо, конституируемое свободным способом существования и самостоятельностью в своем бытии; имеющее иерархию ценностей, вовлеченное в деятельность, совершающее свободно творческие акты и посредством их реализующееся во всем своем своеобразии»³.

Назвать представителей русского экзистенциализма персоналистами в классическом понимании этого слова, наверное, нельзя. Да, личность для каждого из них первична, но первична она только в отношении внешнего мира, эмпирии, личность человека выше природы и социума. Но в отличие от западного персонализма, матери-

алистического персонализма русские философы определяют личность, сопрягая ее с понятиями трансцендентного и духовного. «Человек несет в себе образ Бога» — это символ, невыразимый в конкретных понятиях. Классический персонализм западного образца не мог осознать эту истину, такую понятную русским мыслителям и естественную для них, так как видел в привязанности человека к абсолюту унижение человеческой свободы.

Представители русской религиозной философии выступают с резкой критикой не только рационализации бытия, но и сведения его к формам человеческого познания и, шире, существования. Человек, перестав ощущать опеку сверхчувственного бытия, обожествил человеческий род, себя самого и свои потребности. Вера в абсолют заменяется верой в человека и его неограниченные возможности окончательного социального переустройства.

Русскому мироощущению и русской религиозной философии чуждо представление об изолированной индивидуально-личностной сфере как о подлинном бытии. Духовное творчество русских мыслителей направлено на уяснение глубочайших онтологических, бытийственных истоков человеческой жизни. Русские философы осуждают разрыв с абсолютным, подвергают критике новоевропейского человека, который слишком пристрастился к себе самому, возгордился своей автономностью и возжелал быть богом на земле.

Русская религиозная мысль возвращает бытию смысловую наполненность. Бытие не есть ничто, бытие не есть отсутствие смысла, бессмысленность. Если понимать бытие как пустоту, то не как отсутствие, а как возможность проявления или не проявления. В этом и кроется суть понимания свободы. В таком толковании бытия свобода предстает ему, она предбытийственна. Свобода выступает в качестве фундаментального основополагания человеческого бытия. Она представляет собой меру самореализации человека, меру воплощения глубинных потенций человека в соответствии с его устремлениями, желаниями, его ценностными ориентациями. В этом смысле свободен тот человек, который наиболее полно и адекватно реализовывал себя в соответствии со своими устремлениями и ценностями, и, напротив, несвободен тот, кто не смог в силу тех или иных причин, препятствий, ограничений самореализовываться так, как он представляет для себя достойным, полезным и необходимым. По-

сколькx созидательная самореализация человека, его созидание социума являются одними из фундаментальных основополаганий человека, постольку и одно из решающих условий этого созидания — свобода — также входит в число фундаментальнейших основополаганий человека. Свобода и выступает как вечное движение человека к воплощению самого себя.

Человек не является свободным как часть эмпирической реальности, как часть природы, так как его тело, как и тело любого другого живого существа, не вечно. Человек знает, что как биологическое существо он конечен, переходящ, смертен, и в отличие от животного он ясно осознает свою конечность. В обществе человек также не обретает подлинной свободы, общество — это институт, основной целью которого является постоянное воспроизводство и сохранение человека как вида. Человек ограничен нормами, системой требований, предъявляемых к нему обществом, законами и пр. Именно с социальных позиций удобно определять свободу как познанную необходимость. Максимальная реализация свободы в обществе возможна лишь при построении модели правового или гражданского государства. Такое понимание высшей ступени свободы можно найти у И. Канта, Г. Гегеля и др.

Человек становится свободным, только реализуя себя в сфере духа. «Человек, — пишет С.Л. Франк, — есть существо, укорененное в сверхчеловеческой почве, — таково единственно значимое определение существа человека»⁴. Действительно, человек является таковым тогда, когда он через свое индивидуальное бытие позволяет проявиться силам более высоким, чем он сам, — свободе, которая есть в нем то, что от него не зависит и голос чего возможно услышать как голос совести. Все, кто подчиняется законам фактичности, усредненности и устоявшимся стереотипам, живут механически, неподлинно, нетворчески. И это, по верному замечанию Л.И. Шестова, составляет главный грех человека.

Поэтому одной из основных характеристик духовной реализации человека является его способность к трансцендированию. М.К. Мамардашвили отмечает: «Положение человека в мире не имеет природных оснований. А если и есть основания, то только те, которые создаются, и в этом смысле человек и человеческая история суть история самосозидания, но это самосозидание означает, что мы, живя в природе, ее трансцендируем. Те основания, кото-

рые мы под себя подкладываем, чтобы стать людьми, ищутся через выхождение человека за свои собственные природные рамки или границы. Вот это выскакивание человека за естественный, природой регулируемый ход событий, этот акт и стал называться трансцендированием»⁵. Таким образом, без трансцендирования нет духовного. М. Хайдеггер отмечает, что «бытие есть трансценденция в прямом и первичном смысле»⁶. Трансцендируя к бытию, человек разворачивает имманентное в себе, в этом и заключается определение духовного познания.

Именно потому, что человеческое бытие характеризуется выдвинутостью в ничто, «выступлением за пределы сущего в целом», ему присуще трансцендирование. Без последнего он не смог бы встать «в отношение к сущему, а стало быть, также и к самому себе». Человек оказывается своей сущностью «не от мира сего», он является духовным существом постольку, поскольку трансцендирует наличное сущее и выходит к ничто, понимаемому как возможность, потенция. Это дает ему силы духовно отнестись к сущему и к самому себе; ведь по достоинству оценить этот мир и свою жизнь может лишь тот, кто выходит за границы мира и своей жизни. Трансцендируя, человек обретает свободу, так как свобода по сути своей надбытийственна, предбытийственна. В определенной степени свобода противостоит бытию как необходимости. Обращаясь к духовному, выходя за рамки предметного мира, человек преодолевает закон причинности, преодолевает необходимость, а значит, становится свободным.

Бытие личности — это духовная жизнь, в которой через свободу познаются и реализуются высшие идеалы и ценности. В духовном бытии человек максимально приближен к бытию безусловному, идеальному, к трансцендентному, так как только в реализации своей духовной природы он предстает как существо вневременное и бесконечное. Следовательно, духовное бытие открывает перед человеком сферу высших ценностей, а значит, личностное бытие человека есть бытие свободное, бытие, познавшее истину, добро и любовь. Соответственно, человеческий дух предстает изначально свободным, так как причиной своей имеет бытие надприродное, а человек — свободным от эмпирического состояния бытия.

Но бытие может быть не только трансценденцией, но и объективацией. Такое бытие не есть первичный акт, оно вторично по отноше-

нию к личности и поработает ее. Создается иллюзия вторичности человека, его зависимости от «среды», и она скрывает подлинные отношения личности и мира. Личность в своей духовной сущности противостоит объективированному бытию, материальному миру, так как дух не есть бытие, дух есть свобода. Но свободы нет в материальном мире, так как материальный мир есть объективный отчужденный от себя дух. Можно сказать, что сам термин «объективация» показывает, что главным в этом акте является превращение первоэальности, первожизни, духа в дуалистическое противостояние статичных, лишенных всякой внутренней динамики составляющих, которые отражаются в понятиях субъекта и объекта. После такого разделения объект оказывается полностью вне трансцендентного, превращается в своего рода иллюзию, символ, познание которого необходимо только для того, чтобы выработать способность ориентироваться в этом «мире иллюзий». Но и сам человек, превращенный в субъект, уже не тождествен духу, первобытию, он становится дуальным существом, в котором есть сторона, принадлежащая объективированному миру, лишенная связи с первобытием, и сторона, сохранившая эту связь, тождественная духу и первобытию, по-прежнему причастная свободе и творчеству.

Освобождение человека означает осознание и обретение человеком духа в самом себе, т.е. в результате интериоризации, а не объективации он обретает свободу. И это возвращает нас к утверждению приоритета внутреннего опыта личности перед внешним, к противопоставлению познанию проникновения. Реализация абсолюта возможна только на пути углубления во внутренний опыт личности через интериоризацию. Философское познание, пытающееся осмыслить бытие через экзистенцию, вскрывает закономерности процесса объективации и показывает человеку иллюзорность объективированного мира, а также возможность преодоления нашей зависимости от мира. Для этого человеческая личность должна полностью реализовать свой аспект свободы, чтобы обрести духовное бытие. Н.А. Бердяев полагает: «Освобождение есть пребывание в центре мира духовного, а не на периферии объективированного мира, в реальной субъективности, а не в идеальной объективности»⁷. Духовное освобождение есть переход не к абстракции, а к конкретности, которая может быть раскрыта

только во внутреннем мире человека, являющегося реальной субъективностью. Для того чтобы обрести духовное бытие, человек проходит испытание свободой. Свобода выбора самого себя подразумевает ответственность личности за свой выбор. В духовной сфере реализуется принцип самостроительства личности, конструируемый в виде призвания ее носителя. Свободное осуществление человеком самого себя предполагает возвышение человека, его готовность превзойти самого себя. Таким образом, бытие человека есть способ выявления себя самого, своего внутреннего мира, своей уникальности, трепетности, схваченной в устремленности к высшей истине.

В конкретной земной жизни, которая разворачивается в реальном мире, есть нечто большее, чем только она сама. То есть за очертаниями конкретной реальной судьбы скрывается нечто более значимое, предельное, и человек всегда ощущает это. Ведь он не живет на пределе своих возможностей. В то же время человек чувствует, что его бытие могло бы быть более насыщенным, целостным, универсальным. Перед каждым человеком всегда существует планка, которую он не в силах преодолеть. Это есть некая цель, формула возвышенного, значимого, недостижимого. Вспомним Ф. Ницше, который призывал человека к подвигу самоопределения. Он писал: «У тебя нет мужества сжечь самого себя и погибнуть, и поэтому ты никогда не узнаешь нового. А у меня — то, что сегодня крылья, краска, одежда и сила, завтра будет один пепел»⁸. В этом мире человек реализуется через свои действия и поступки, соучаствуя в общем процессе творчества бытия, и истинное бытие ставит перед человеком задачи, побуждая его к ответственности и свободе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 367.

² Гайденок П.П. Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С.Л. Франка // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 115.

³ Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 69.

⁴ Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М., 1990. С. 280.

⁵ Мамардашвили М.К. Трансценденция и бытие // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С. 54.

⁶ Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 334.

⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С. 421.

⁸ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 38.